

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки 2025. Вып. 4. С. 191—197.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 191—197.

Рецензия

УДК 930.2:94(73).091

EDN <https://elibrary.ru/hdsilw>

DOI: 10.46726/H.2025.4.22

**“DON’T SHOOT! G-MEN, DON’T SHOOT!”:
ДЖИМЕНЫ НА СТРАЖЕ «НОВОГО КУРСА» Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ.**

*Рец. на кн.: Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США
в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.*

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново,
Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию — экспертный отзыв на исследование Я.А. Левина, посвященное истории органов государственной безопасности ФБР США. Показано, что монография обладает ярко выраженной источниковой и историографической новизной, заключающейся в нейтрализации различных «конспирологических» теорий и иных тенденциозных интерпретаций. Использован широкий корпус документов, из которых особый интерес представляют материалы уголовных дел, непосредственно отражавших оперативную деятельность Бюро в обезвреживании «врагов общества № 1». Также обозначены некоторые дискуссионные аспекты, связанные с необходимостью сохранения критического подхода к контрольно-репрессивному функционалу спецслужб, перспективами расширения имагологического подхода для презентации повседневности, менталитета как правительственные агентов, так и представителей криминального мира.

Ключевые слова: Федеральное бюро расследований (ФБР), история США, историография, американстика, кинематограф, имагология

Для цитирования: Юдин К.А. “Don’t shoot! G-men, don’t shoot!”: Джимены на страже «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в новейшей историографии. *Рец. на кн.: Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.* // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 191—197.

«Джимены» — так назывался американский художественный фильм У. Кейли, точно отразивший официальный сленговый дискурс [Powers: 134; Левин: 89], вышедший на экраны в 1935 г., с быстро приобретавшим популярность актером Дж. Кэгни. Тогда было положено начало если не самостоятельному жанру или направлению, то, во всяком случае, устойчивой кинематографической традиции по презентации деятельности правительственные агентов, сотрудников спецслужб как protagonists, борцов с криминальным миром и иными силами зла, посягавших на мирную жизнь честных граждан и в целом угрожавших национальной безопасности США, препятствовавших реализации желанной “American dream”.

В нуар-стилистике вышли такие картины (если разумно охватывать только близкий хронологический период 1930—1950-е гг.), как «Враг общества» /

“The Public Enemy” (США, 1931, реж. У.А. Уэллмен), «Мэр ада» / “The Mayor of Hell” (США, 1933, реж. А. Майо), «Насаждающий закон» / “The Enforcer” (США, 1951, реж. Б. Виндаст), «Дом на 92-ой улице» / “The House on 92nd Street” (США, 1945, реж. Г. Хэтэуэй), «Он бродил по ночам» / “He Walked by Night” (США, 1948, реж. А. Веркер, Э. Манн), «Я был коммунистом для ФБР» / “I Was a Communist for the FBI” (США, 1951, реж. Г. Дуглас), «Улица без названия» / “The Street with No Name” (США, 1948, реж. У. Кейли), «Кафе на 101-й улице» / “Shack Out on 101” (США, 1955, реж. Э. Дейн), «Система» / “The System” (США, 1953, реж. Л. Сейлер), «Город в плену» / “The Captive City” (США, 1952, реж. Р. Уайз), «История в Феникс-сити» / “The Phenix City Story” (США, 1955, реж. Ф. Карлсон), «Женщина на пирсе 13» / “The Woman on Pier 13” (США, 1949, реж. Р. Стивенсон) и многие другие, погружавшие в атмосферу «ревущих двадцатых» [Левин: 65], как в частности «Ревущие двадцатые» / “The Roaring Twenties” (США, 1939, реж. Р. Уолш) и т. д.

Несмотря на эффективность медиаресурсов, востребованность художественного и документального кинематографа, используемого ФБР в учебных целях для «имагологической стажировки» молодых сотрудников, повышения доверия общественности к работе ведомства, стимулирование сотрудничества с ним для ускорения раскрытия реальных преступлений, научно-историческая рефлексия функционирования Бюро на протяжении всего периода его существования серьезно отставала от образно-визуальной и публицистической коммеморации. Эта удручающая ситуация была обозначена в вышедшем в 2024 г. фундаментальном монографическом исследовании Я.А. Левина. Его основу составил текст одноименной диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной в 2016 г., а также многочисленные публикации автора за последнее десятилетие, в которых присутствуют уже заметные проблемно-хронологические расширения.

Во введении к монографии Я.А. Левиным убедительно показано, что актуальность продолжения изучения ФБР США в значительной степени обусловлена до сих пор не преодоленной тенденциозностью, историографическими «качелями», допускающими либо идеализацию / романтизацию деятельности спецслужб как спасителей от «красной» и иных угроз, либо, наоборот, конъюнктурную «демонизацию». «Тайную полицию» США по известным причинам неустанно критиковала не только советская историография, но и американская, также проявлявшая склонность к «конспирологическим теориям», особенно после Уотергейтского скандала. Как отметил Я.А. Левин, лишь «к началу 90-х гг. критическое восприятие Федерального бюро расследований <...> постепенно уступило место взвешенному анализу всех направлений этой службы» [Там же: 14, 15], хотя политизированность в оценках еще не была устранена. Исходя из этого вполне обоснованным представляется сосредоточение автора именно на «классическом», «инсталляционном» периоде деятельности ФБР в первой половине XX в., когда происходила еще относительно не затронутая мифологизацией институционализация структурно-функционального облика профессиональной оперативно-силовой юрисдикции.

В первой главе «История создания и основные направления деятельности ФБР» раскрываются причины и обстоятельства появления этого ведомства в 1908 г. Сложившаяся обстановка в США объективно потребовала усиления исполнительной власти, повышения дееспособности министерства юстиции, а также авторитета «“прогрессистской” программы президента Теодора Рузвельта, направленной на борьбу с крупными трестами, являющимися связующим

звеном, а нередко и основным заказчиком незаконных операций между крупными криминальными группами и коррумпированными элементами госслужб» [Там же: 23].

Показывается, что эволюции Бюро расследований на раннем этапе его существования препятствовали практики «финансового ошейка», заключавшиеся в стремлении Конгресса США максимально регламентировать деятельность новой спецслужбы, не допустить ее превращения в тайную полицию с помощью финансовых отчетов [Там же: 26]. Обстоятельно исследуется роль и заслуги генерального прокурора США Ч. Бонапарта в преодолении скептицизма и противодействия со стороны республиканцев-консерваторов и умеренных южан-демократов, видевших в новом федеральном органе угрозу самостоятельности и правам штатов. Ч. Бонапартом была реализована прагматическая стратегия, конвенциональная схема, необходимая для первичной легитимации Бюро: «Прокурор получил свое детективное агентство, полностью подчиненное министерству юстиции, а Конгресс защитил свои интересы, получив службу по сути “беззубую”, не имевшую полномочий расследовать дела в банковской сфере, где осуществляли махинации сенаторы и члены Палаты представителей» [Там же: 41].

Серьезным испытанием для Бюро расследований становится Первая мировая война, атмосфера которой способствовала увеличению оперативной нагрузки и ассигнований на контрразведывательную деятельность данного ведомства с 455 558 долларов в 1914 г. до 1 746 224 долларов в 1918 г. Однако, как отмечает автор, «неопытность, конкуренция с другими службами, коррупция внутри самого Бюро привели его как контрразведывательную организацию к фактическому провалу», поскольку «большинство агентов были либо ставленниками конгрессменов, защищавшими БР в интересах своих покровителей, либо молодыми юристами, попавшими в эту службу, в большинстве случаев, по знакомству и работавшие в ней ради отметки о прохождении юридической практики в органе федеральной власти» [Там же: 54—55].

В то же время революция в России в 1917 г. становится существенным фактором охлаждения российских, затем советско-американских отношений, и, как обосновано показано в исследовании, экспликации «красной угрозы». Конкретные мероприятия БР — «Рейды Палмера» (1919—1921) против «левого фронта» в широком смысле — способствовали, несмотря на очевидные недостатки и просчеты, «перегибы» в работе Бюро, общей репрезентации оправданности миссии данного ведомства, которому стало позволительно релятивное отношение к закону, менявшегося «от беспрекословного соблюдения до полного пренебрежения» в целях обеспечения национальной безопасности. Отмечается, что Бюро не смогло быстро адаптироваться к контрразведывательной деятельности и иногда уступало «конкурирующей фирме» — Секретной службе США, существовавшей еще с середины XIX в. [Там же: 49—50]. В то же время все это компенсировалось не только сохранением основного фронта работы — борьбы с внутренней преступностью, но и ее специфическими проявлениями, связанными с деятельностью иных, не «красных», а «традиционистских» радикалов, в частности, организации Ку-клукс-клан, а также гангстеризмом, бутлегерством после установления «сухого закона».

Другим фактором профессионализации деятельности Бюро расследований, с 1932 г. переименованного в Бюро расследований Соединенных Штатов, становятся «реформы» нового директора — Дж.Э. Гувера, при котором с 1924 г. «на базе бюро проводились многочисленные научные исследования в области

кriminологии и смежных наук», составлена картотека отпечатков пальцев (система идентификации), была отменена система старшинства при продвижении по службе и введен принцип «личной ответственности глав региональных отделений» Бюро» [Там же: 69—71, 73].

Это составило фундамент административно-политических и институциональных мер для «войны с преступностью», рассматриваемых в одноименной *второй главе монографии*, хронологически очерченной 1933—1937 гг. В ней исследуются операции Бюро по обезвреживанию или нанесению «ударов» в виде персональных арестов руководителей крупнейших криминальных структур, действовавших в это время — Бонни Паркера и Клайда Бэрроу, «Пулемета» Келли, банд Диллинжера, Баркера—Карписа, «Корпорации убийств», «Национального преступного синдиката» [Там же: 89—97, 94, 113, 117] и других. Важным методом консолидации общественных сил для совместного противодействия организованной преступности, становится медийная активность БР, связанная с официальным введением дегуманизированного статуса — образа «врага общества № 1». «Врагами общества» стали называть самых жестоких деятелей криминального мира, наподобие «“Малыша” Нельсона» (Лестера Джозефа Джиллиса), мафиози итальянского происхождения Чарльза «Лаки» Лучиано (Лучано) [Там же: 81, 97, 112, 115]. При этом автор соглашается со своими зарубежными коллегами в суждениях о достаточно прагматичном целеполагании директора Бюро Дж.Э. Гувера, стремившегося с помощью имагологических ресурсов завуалировать задержки в решении проблем квалификации агентов, диссонансов расследований в ходе соперничества с полицией, а главное — тяготения к контрразведывательной деятельности.

Это обстоятельно раскрывается в *третьей главе монографии*, посвященной борьбе с «красной» и «коричневой угрозой» [Там же: 122], интенсифицированной в 1936 г., когда Дж. Э. Гувер, опираясь на запросы-поддержки со стороны президента США, издал особый приказ для всех отделений ФБР по сбору сведений, касавшихся «подрывной деятельности, проводимой в Соединенных Штатах коммунистами, нацистами и представителями или сторонниками других организаций, выступающих за насильтственное устранение правительства Соединенных Штатов...» [Там же: 125]. В главе показывается, что июле 1940 г. создается особое подразделение — Специальная разведывательная служба (СРС) [Там же: 144], которая стала реализацией идеи директора ФБР, но в практической деятельности далеко не сразу себя оправдала по уже выше обозначенным причинам недостаточной компетентности агентов для зарубежной работы под прикрытием. Это привело к тому, что другие ведомства, в частности, ВМС США даже по предложению Гувера не желали брать ее под свой контроль, что повлекло бы за собой нежелательное нарушение приоритетов в географии сферы полномочий и мобилизации ресурсов. Поэтому данная структура стала в какой-то степени институционально-символической фигурой, появление которой выступало индикатором соперничества, личной неприязни двух лидеров спецслужб — Дж. Э. Гувера и «Дикого Билла», У. Донована, в это же время назначенного личным координатором президента по информации (разведывательной деятельности).

В то же время, как показывает автор, эволюция оперативного функционала ФБР все же продолжалась достаточно интенсивно, чему способствовали совершенствования документооборота, создание «неофициальной» системы регистрации бланков, приводится статистика о количестве пойманных немецких агентов [Там же: 154, 159]. Очень важным промежуточным выводом можно

считать следующий: «Несмотря на постепенное изменение дипломатических отношений с СССР, “красная угроза” воспринималась администрацией Франклина Рузвельта и ФБР наравне с “коричневой”» [Там же: 158]. Это можно интерпретировать как становление «протохолодного» политico-идеологического климата, считать «генеральной репетицией» и символическим ресурсом для дальнейшей трансформации взаимного восприятия, встречной нацификации / фашизации как способов моральной или политico-идеологической дегуманизации образа «врага номер один» [См. об этом: «Враг номер один»; Юдин 2019, 2024; Имагология Холодной войны; Doherty].

Признавая внушительный вклад автора в изучении данной проблематики, тем не менее нельзя умолчать о некоторых дискуссионных аспектах. Во введении отмечается, что в ходе исследования были использованы и аудиовизуальные источники (кино-, фото-, фонодокументы), но в библиографическом списке они отсутствуют. К сожалению, нет и никаких приложений, в которых приводился хотя бы краткий список основных кинопроизведений (прямо или косвенно упомянутых в монографии [Левин: 63, 159], например, «Рождение нации» / «The Birth of a Nation» (США, 1915, реж. Д.У. Гриффит, «Исповедь нацистского шпиона» / «Confessions of a Nazi Spy» (США, 1939, реж. А. Литвак), так или иначе связанных с историей ФБР, отразивших менталитет, психологию правительственные агентов или деятелей криминального мира. Несмотря на то, что, очевидно, автором не ставилась комплексная задача по воспроизведству культурного, имагологического контекста, некоторые подобные образно-визуальные «расширения» в виде профессиональной, экспертной оценки ярких кинообразов на предмет их соответствия исторической действительности, помогли бы усилить восприятие. Так, кинофильм «Улица без названия» (США, 1948, реж. У. Кейли), выполненный в полудокументальном стиле, после бравурной музыки начинается с пафосного возвзыва-телетайпа директора ФБР Гувера, далее демонстрируются лаборатории, методы тренировки, обучения агентов. В фильме «Сильная жара» / «The Big Heat» (США, 1953, реж. Ф. Ланг) показан страх криминальных элементов перед выдворением из США. Персонаж А. Скурби, гангстер итальянского происхождения М. Лагана, опасается давать лицензию на убийство полицейского, чтобы не усилить гнев общества и не повторить судьбу Чарльза «Лаки» Лучиано (Лучано).

В третьей главе автор приходит к заключению о том, что, по существу, Бюро расследований, затем переименованное в ФБР, стояло не просто на страже «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в плане правоохранительного обеспечения имиджа президента как гаранта порядка и спокойствия, но и выполняло политический заказ, собирая по его личному указанию компрометирующие сведения в отношении отдельных лиц и организаций. Это сопровождалось вмешательством в их частную, личную жизнь, проведением проверочно-фильтрационных мероприятий в отношении объединений левого толка в учебных заведениях и т. д. [Там же: 127, 132—133, 156]. Хотелось бы, чтобы прозвучал ответ на вопрос, можно ли подобную активность ФБР все же считать карательной, контрольно-репрессивной деятельностью, от которой страдали и простые американские граждане еще до маккартизма и начала «холодной войны». Представляется, что признание явных негативных сторон ФБР не тождественно возвращению к архаичному «конспирологическому» дискурсу и демонизации этого ведомства, равно как и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД СССР, в которых тоже соединялись амбивалентные функции.

В то же время подчеркнем, что высказанные ремарки совершенно не носят критического и принципиального характера. Напротив, они выражают напутственно-благожелательную сопричастность рецензента к данной проблематике, признание колossalных усилий автора, совершившего интеллектуальный подвиг по обобщению и анализу огромного исторического материала, чрезмерная академическая строгость, вероятно, унаследованная от диссертационного формата, в преподнесении которого является лишь дополнительным критерием и свидетельством профессионализма, добросовестности. Безусловно, увидевшую свет монографию Я.А. Левина следует считать значительным заделом для бурно развивающейся отечественной американистики [Журавлева, Окунь], историографии спецслужб, что вызовет несомненный интерес и резонанс в научном сообществе.

Список литературы / References

- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
 (“Enemy Number One” in the Symbolic Politics of the USSR and USA Cinematography during the Cold War, ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)
- Журавлева В.И., Окунь А.Б. США как нация наций, этническая и культурная мозаика // США в прошлом и настоящем: Pro et contra. М.: РГГУ, 2025. С. 11—222.
 (Zhuravleva V.I., Okun A.B. The USA as a Nation of Nations, Ethnic and Cultural Mosaic, USA in the Past and Present: Pro et contra, Moscow, 2025, pp. 11—222. — In Russ.)
- Имагология Холодной войны: «свои» и «чужие» в массовой культуре СССР И США: сборник научных статей / под ред. О.В. Рябова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. 240 с.
 (Imagology of the Cold War: “Ours” and “Them” in the Mass Culture of the USSR and the USA. Collection of scientific articles, ed. by O.V. Ryabov, St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2024, 240 p. — In Russ.)
- Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.
 (Levin Ya. A. FBI and US Internal Security in 1908—1941. Samara, 2024. 194 p. — In Russ.)
- Юдин К.А. «Центр бури»: Маккартизм в американской культуре и кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 1. С. 44—54.
 (Yudin K.A. “The Center of the Storm”: McCarthyism in American Culture and Cinema, Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations, 2024, vol. 29, iss. 1, pp. 44—54. — In Russ.)
- Юдин К.А. Англо-американский кинематограф 1940—1970-х гг. и система государственно-политического контроля США // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 1 (33). С. 74—88.
 (Yudin K.A. Anglo-American Cinema of the 1940’s—1970’s and the System of State and Political Control in the USA, Towards a Civil Society, 2019, iss. 1 (33), pp. 74—88. — In Russ.)
- Doherty T. Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture. N.Y.: Columbia University Press, 2003, 305 p.
- Powers R.G. G-Men, Hoover’s FBI in American Popular Culture. Chicago: Southern Illinois University Press, 1983, 356 p.

“DON’T SHOOT! G-MEN, DON’T SHOOT!”: G-MEN ON GUARD OF F.D. ROOSEVELT’S «NEW DEAL» IN THE MOST RECENT HISTORIOGRAPHY.

Book review: Levin Ya.A. The FBI and US Internal Security in 1908—1941, Samara: SSTU, 2024, 194 p.

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation,
kirill-yudin.hist@mail.ru

Abstract. The article is a review — an expert opinion on the study by Ya.A. Levin, dedicated to the history of state security agencies — the US FBI. It is shown that the monograph has a pronounced source study and historiographic novelty, consisting in the neutralization of various “conspiracy” theories and other tendentious interpretations. A wide corpus of documents is used, of which the materials of criminal cases that directly reflect the operational activities of the Bureau in neutralizing “enemies of society no. 1” are of particular interest. Some controversial aspects related to the need to maintain a critical approach to the control and repressive functionality of the special services, the prospects for expanding the imagological approach to represent everyday life, the mentality of both government agents and representatives of the criminal world are also identified.

Keywords: Federal Bureau of Investigation (FBI), US history, historiography, American studies, cinema, imagology

For citation: Yudin K.A. “Don’t shoot! G-men, don’t shoot!”: G-men on guard of F.D. Roosevelt’s “New Deal” in the most recent historiography. *Book review: Levin Ya.A. The FBI and US Internal Security in 1908—1941, Samara: SSTU, 2024, 194 p., Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities, 2025, iss. 4, pp. 191—197.*

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted 22.06.2025; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Юдин Кирилл Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru, SPIN-код: 3820-1170

Yudin Kirill Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru